

Добро пожаловать в вечную жизнь, друзья мои. Эта книга появилась на свет благодаря Харриет Вольф, немецкой журналистке, с которой я встречался в Берлине несколько лет назад. Перед началом интервью Харриет решила рассказать мне небольшую притчу. Она считала, что эта притча может служить символом ситуации, в которой я нахожусь как писатель.

Я стою в телефонной будке после конца света. Могу звонить куда хочу и сколько хочу. Неизвестно, выжил ли кто-нибудь еще кроме меня или мои звонки — просто монологи сумасшедшего. Иногда звонок короткий, словно трубку сняли и бросили; иногда он длится долго, словно кто-то слушает меня с нечистым любопытством. Нет ни ночи, ни дня. У ситуации нет и не может быть конца.

Добро пожаловать в вечную жизнь, Харриет.

Моя нынешняя инкарнация деградирует; думаю, долго она не протянет. Я знаю, что в следующей инкарнации вновь обрету своего товарища и спутника — пёсика по кличке Фокс.

Общество собаки благотворно, ибо её можно сделать счастливой; она нуждается в таких простых вещах, её эго так ограничено... Возможно, в одну из предшествующих эпох женщины находились примерно в том же положении, что и домашние животные. Это была, наверное, какая-то уже недоступная нашему пониманию форма домотического счастья, связанного с совместным функционированием: удовольствием быть единым, отлаженным, функциональным организмом, предназначенным для выполнения дискретного ряда задач, а эти задачи, повторяясь, образывали дискретный ряд дней. Все это исчезло, и те задачи тоже. Собственно, перед нами не может стоять никаких целей. Радости человеческих существ для нас непостижимы, но и их беды нас не терзают. В наших ночах отсутствует трепет ужаса или экстаза, однако мы живём, мы движемся по жизни, без радостей, без тайн, и время для нас пролетает быстро.

В первый раз я встретил Марию²² на третьесортном испанском сервере; страница грузилась ужасно долго.

Усталость, причинённая
Мертвым старым голландцем,
Сказывается не прежде,
Чем вернется хозяин.

2711, 325104, 13375317, 452626. По указанному адресу мне открылось зрелище её вульвы — мерцающей, пиксельной, но странно реальной. Кто она была: живая, мертвая или интермедийная? Скорее интермедийная, по-моему. Но о таких вещах не говорят, это исключено.

Женщины создают впечатление вечности, их влажное лицо подключено ко всем тайнам, словно это туннель, ведущий к смыслу мироздания, а не вышедшая из употребления дырка для производства карликов. Раз они умеют создавать такое впечатление, тем лучше для них. В моих словах сочувствие.

Недвижная и благодатная
Тяжесть цивилизаций,
Сменяющих друг друга,
Не коррелирует со смертью.

Нужно было бы прекратить. Прекратить игру, интермедиацию, контакт. Но поздно. 258, 129, 3727313, 11324410.

Первый эпизод снимался с высоты. По всей равнине тянулись громадные парники из серой пленки — мы были на севере Альмерии. В прошлом теплич-

ные овощи и фрукты убирались силами сельскохозяйственных рабочих, чаще всего выходцев из Марокко. После автоматизации процесса они рассеялись по окрестным сьеррам.

Помимо обычного оборудования — электростанции, подававшей ток на ограждение, спутниковую антенну, датчики — подразделение Проексьонес XXI,¹³ располагало генератором минеральных солей и собственным источником питьевой воды. Оно находилось вдали от главных транспортных осей и не было обозначено ни на одной из новейших карт: последняя съёмка местности была сделана раньше, чем его построили. С тех пор как отменили все полеты, а потом установили глушилку от обнаружения спутником, найти его стало технически невозможно.

Следующий эпизод мог быть сновидением. Человек с моим лицом ел йогурт в цеху металлургического завода; инструкция к станкам была написана по-турецки. Маловероятно, чтобы производство здесь когда-нибудь возобновилось.

12, 12, 533, 8467.

Второе сообщение от Марии²² выглядело следующим образом:

Я одинока, как дура,
Как моя
Дыра.

245535, 43, 3. Когда я говорю “я”, я лгу. Возьмём перцептивное “я”, нейтральное и прозрачное. Соотнесём его с интермедийным “я” — в этом качестве мое тело

принадлежит мне, вернее, я принадлежу своему телу. И что мы наблюдаем? Отсутствие контакта. Бойтесь моего слова.

Мне бы не хотелось держать вас за пределами этой книги. Все вы, живые и мёртвые, — *читатели*.

Это свершается за пределами моего “я”; и мне бы хотелось, чтобы это свершилось — именно так, в тишине.

Вопреки заветной идее
Слово не сотворило мира;
Человек говорит, как собака лает, —
От гнева или от страха.
Удовольствие молчаливо,
Точно так же, как счастье.

Я — это синтез наших неудач; но синтез частичный. Бойтесь моего слова.

Эта книга написана во имя созидания и назидания Грядущих. Вот что удалось сделать людям, скажут они. Это больше, чем ничто; это меньше, чем все; перед нами промежуточное творение — *интермедия*.

Мария²², если она существует, женщина ровно в той же степени, в какой я мужчина, — в степени весьма ограниченной и неочевидной.

Мой отрезок пути также подходит к концу.

Никто не станет современником рождения Духа, только Грядущие; но Грядущие — не Живые Существа в нашем понимании. Бойтесь моего слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОММЕНТАРИЙ
ДАНИЕЛЯ24

ДАНИЕЛЬ 1, 1

А что делает крыса, когда просыпается? Принюхивается.

ЖАН-ДИДЬЕ, биолог

Я как сейчас помню минуты, когда впервые почувствовал в себе призвание комического актёра. Мне тогда было семнадцать, и я довольно уныло проводил август в одном турецком пансионе “все включено”; впрочем, с тех пор я больше не ездил на каникулы с предками. Моя сестрица, тринадцатилетняя вертихвостка, как раз начинала заводить всех мужиков. Дело происходило за завтраком: как всегда, выстроилась очередь за яйцами, до которых курортники почему-то особенно охочи. Рядом со мной стояла пожилая англичанка — сухопарая, злая, из той породы, что будет живьем свежевать лису, чтобы украсить свою *living-room*¹; она уже набрала полный поднос яиц и теперь ничтоже сумняшея захапала последние три сосиски, ещё остававшиеся на жестяном блюде. Время — без пяти одиннадцать, завтрак заканчивался, нечего было и мечтать, чтобы принесли новое блюдо сосисок. Стоявший за нею немец остолбенел: вилка, уже нацеленная в сосиску, застыла на полдороге, лицо побагровело от возмущения. Немец был

1 Гостиную (англ.). (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

огромный, настоящий великан под два метра и весом центнера полтора, не меньше. На какой-то миг мне показалось, что сейчас он вонзит свою вилку в глаз восьмидесятилетней старухе или схватит ее за горло и размозжит ей голову о стойку с горячим. А та как ни в чем не бывало в своем бессознательном старческом эгоизме уже резво семенила к столику. Немец взял себя в руки — я чувствовал, что ему пришлось сделать над собой огромное усилие, но мало-помалу его лицо разгладилось, и он, без сосисок, печально поплелся к своим сородичам. Из этого инцидента я сделал маленький скетч о кровавом бунте в курортном пансионе, вспыхнувшем из-за мелких нарушений формулы “все включено” — нехватки сосисок за завтраком и доплаты за мини-гольф, — и тогда же показал его на вечере под названием “Вы талантливы!” (раз в неделю вечернее представление составлялось из номеров, подготовленных не аниматорами, а самими отдыхающими), причём сыграл все роли сразу. Так я сделал первый шаг к театру одного актера — жанру, которому практически не изменял на протяжении всей своей карьеры. К вечернему спектаклю приходили почти все, делать после ужина было абсолютно нечего, пока не начиналась дискотека; в общем, собралось около восьмисот зрителей. Мой скетч имел невероятный успех, многие хохотали до слез, мне долго хлопали. В тот же вечер на дискотеке симпатичная брюнетка по имени Сильвия сказала, что я очень ее насмешил и что ей нравятся парни с чувством юмора. Милая Сильвия. Вот так я потерял девственность, зато приобрел призвание.

Сдав экзамены на бакалавра, я записался на курсы актерского мастерства; потекли довольно бесславные годы, я становился все злее и, как следствие, все сар-

кастичнее. В результате успех наконец пришел, да такой шумный, что я сам удивился. Я начинал со скетчей об отчихах и мачехах, о журналистах из “Монд”, вообще о серости среднего класса: мне отлично удавалось изобразить инцестуальные позывы интеллектуалов на пике карьеры, восплававших к дочерям или падчерицам с их голыми пупками и торчащими из джинсов стрингами. Короче, я был “язвительным наблюдателем современной действительности”, и меня часто сравнивали с Пьером Депрожем¹. Продолжая работать в жанре театра одного актёра, я время от времени соглашался выступить в телешоу — из-за их широкой аудитории и непреходимой пошлости. Я не упустил случая подчеркнуть эту пошлость, впрочем, по-умному: ведущий должен был чувствовать угрозу, но не слишком серьезную. В общем, я был крепкий профессионал с чуть-чуть дутой репутацией. Но в конце концов, не я один такой.

Это вовсе не значит, что мои скетчи не были смешными — совсем наоборот. Я в самом деле был язвительным наблюдателем современной действительности; просто мне казалось, что это элементарно, что в современной действительности и наблюдать-то почти нечего, настолько мы все упростили, обкорнали, столько уничтожили барьеров, табу, ложных надежд и несбыточных чаяний, ничего почти и не осталось. В социальном плане были богатые, были бедные, а между ними несколько шатких ступенек — *социальная лестница*: над восхождением полагалось издеваться. Плюс ещё одна возможность, более реальная, — разорение. В плане сексуальном имелись люди, возбуждавшие желание, и люди, не возбуждавшие никаких

1 Пьер Депрож (1939–1988) — французский писатель-юморист.

желаний: простенький механизм, пусть и с некоторыми чуть более сложными вариациями (вроде гомосексуальности и прочего), который легко сводится к тщеславию и нарциссическим состязаниям, прекрасно описанным французскими моралистами ещё триста лет назад. Конечно, существовали ещё и порядочные люди — те, кто работает, кто занят в эффективном производстве потребительских товаров либо кто несколько комически или, если угодно, патетически (но я-то был в первую очередь комиком) жертвует всем ради детей; те, у кого в молодости не было красоты, позднее — честолюбия и всю жизнь — денег и кто, однако, всей душой, искреннее, чем кто-либо, привержен ценностям красоты, молодости, богатства, честолюбия и сексуальности, — так сказать, соль земли. На этих, как ни прискорбно, нельзя было даже построить *сюжет*. Иногда я вводил кого-нибудь из них в свои скетчи для разнообразия, для *реализма*, в действительности же мне это стало надоедать. Что всего хуже, я числился гуманистом — конечно, гуманистом *рассерженным*, но гуманистом. Чтобы стало понятно, вот одна из шуток, в изобилии украшавших мои спектакли:

- Знаешь, как называется жир вокруг вагины?
- Нет.
- Женщина.

Как ни странно, мне удавалось вворачивать подобные перлы и при этом иметь хвалебные рецензии в “Эль” и “Телераме”. Правда, с появлением комиков-арабов мачистские шутки опять вошли в моду, а я пошлил не без изящества: отпущу вожжи и опять прибору, все под контролем. В конце концов, ремесло юмориста и вообще *юмористическое отношение* к жизни тем и хорошо, что позволяет безнаказанно

вести себя как последняя свинья и в придачу стричь с собственной мерзости весьма недурные купоны, как в плане сексуальных успехов, так и наличкой, да еще при единодушном одобрении окружающих.

На самом деле мой пресловутый гуманизм имел под собой весьма шаткие основания: вялый наезд на налоговые службы, намёк на трупы негров-нелегалов, выброшенные на побережье Испании, принесли мне репутацию левака и *правозащитника*. Это я-то левак? При случае я мог изобразить в своих монологах каких-нибудь борцов за новый мир, сравнительно молодых и не то чтобы откровенно отвратительных; мог при случае подпустить демагогии: повторяю, я был крепким профессионалом. К тому же внешне я смахивал на араба, что сильно облегчало дело; в сухом остатке вся левизна в моих скетчах сводилась к антирасизму, вернее, к антибелому расизму. Не совсем, впрочем, понятно, откуда взялась у меня арабская внешность, с годами приобретающая все более характерные черты: мать моя была по происхождению испанка, а отец, насколько я знаю, бретонец. Моя шлюшка сестра, например, была отчётливо средиземноморского типа, но в два раза блее меня и с прямыми волосами. Спрашивается, всегда ли мать свято хранила супружескую верность. Может, моим родителем был какой-нибудь Мустафа? Или — ещё вариант — даже еврей? *Fuck with that*¹: арабы толпами ходили на мои спектакли, евреи, впрочем, тоже, хоть и в меньших количествах. И все покупали билет за полную стоимость. Что нас действительно волнует, это обстоятельства нашей смерти; обстоятельства рождения — вопрос второй.

1 *Здесь: к черту это все (англ.).*

А уж *права человека* мне точно были по барабану; в лучшем случае меня хватало на то, чтобы интересоваться правами собственного члена.

В этом плане моя карьера была, в общем, не менее удачной, чем дебют в курортном пансионе. Женщины, как правило, лишены чувства юмора, поэтому считают юмор одним из мужских достоинств; так что я не испытывал недостатка в возможностях расположить свой половой орган в соответствующем отверствии. Честно говоря, во всех этих соитиях не было ничего сногшибательного. Комиками обычно интересуются женщины уже в возрасте, лет под сорок, начинающие чувствовать, что дела их плохи. У одних толстый зад, у других — обвислые груди, а у некоторых и то и другое вместе. Короче, заводиться особенно не с чего, а когда эрекция слабеет, становишься не таким озабоченным. Они были ещё не старые, отнюдь нет; я знал, что на пятом десятке они вновь начнут искать лёгких, успокоительных, фальшивых отношений — но уже безрезультатно. А куда я мог лишь подтвердить (честное слово, совершенно невольно, ничего приятного в этом нет), что их эротическая ценность снизилась; я мог лишь подтвердить их первые подозрения, внушить им, сам того не желая, безнадёжный взгляд на жизнь, где их ожидала не зрелость, нет, а попросту старость; не новый расцвет в конце пути, а бесчисленные фрустрации и страдания, поначалу едва заметные, но очень скоро становящиеся невыносимыми; во всём этом было что-то нечистое, отнюдь не чистое. После пятидесяти жизнь только начинается, это правда; только вот кончается она в сорок.